

В Великой И девочек обычно выдают замуж в четырнадцать лет. По правде говоря, маленькой принцессе уже восемнадцать — возраст немалый. Но если бы в мире всё шло так, как положено, в нём не было бы столько безысходности, борьбы и тревог.

Принцесса по натуре своей живая, порой даже слишком эмоциональная в словах и поступках. Однако ей и в голову не приходило требовать, чтобы та утратила свою живость.

Для девушки послушание, скромность и осторожность — это один из способов жить, вполне безопасный и практичный. Но он не должен быть единственным.

Её девочка должна расти свободной и настоящей, а не разрываться между этикетом и долгом, словно марионетка, созданная кукольником: с одинаковыми головами, одинаковыми руками и ногами, одинаковыми слезами и смехом.

Но она не могла требовать того же от других, особенно от человека сурового, для которого военный приказ — превыше всего.

— Матушка, вы преувеличиваете, — произнесла Су Лисюэ.

Оставшаяся без матери девчушка, какой бы властной, капризной и задиристой ни была, всё равно казалась такой жалкой, что сердце сжималось от жалости.

— Ох, я-то думал, что случилось! Госпожа, вы проделали такой путь и устроили столько шума только ради того, чтобы извиниться? — спросил Ли Миньгуань.

— Конечно, нет. Генерал, принцесса ещё на рассвете, прихватив Меч Чистого Ветра и старосту Вана, отправилась в канцелярию градоначальника и до сих пор не вернулась.

— Что?

— Генерал, девчонка-то с виду кроткая, но нрав у неё огненный, она больше всего на свете не терпит, когда обижают близких. Раз уж она пошла туда, то, скорее всего, чтобы поквитаться за вас. Говорят ведь: сильный дракон не одолеет местную змею... Я, право, беспокоюсь.

Су Лисюэ прищурилась:

— Я пойду за ней!

— Ни в коем случае! — Ли Миньгуань поспешно преградил ей путь. — Вы сейчас на ногах еле держитесь, смерти ищете?

— Она ведь собралась против Сунь Хунвана, а в глазах жителей Лянчжоу он — человек, которого берегут сами духи гор.

— Оставайтесь здесь! — рявкнул Ли Миньгуань, но тут же спохватился, что перед ним командующая Армией Динбэй, и, почесав затылок, добавил мягче: — Принцесса куда способнее, чем вы думаете. Поверьте мне, она справится. А если нет, то есть староста Ван. Вот уж кто умеет заговаривать зубы! Успокойтесь, генерал, с ней-то они любой спор выиграют.

Су Лисюэ оттолкнула его:

— Ты понимаешь, о чём говоришь? Они же девушки! Как я могу быть спокойна, когда они противостоят такому зверю, как Сунь Хунван, который только и знает, что издеваться над женщинами?!

Девушки от природы слабы, их так легко ранить. Какой бы острой ни была речь, она не убивает, а каким бы тяжёлым ни был меч, он не всегда может защитить свою хозяйку.

— Хорошо, хорошо, я пойду! Я сам схожу, довольны? — сдался Ли Миньгуань. — Обещаю, верну их в целости и сохранности. Если кто посмеет хоть пальцем их тронуть, я вмиг превращу его в паралитика, идёт?

Глаза Су Лисюэ вспыхнули болезненным блеском гнева — было ясно, что она на пределе сил. Они стояли совсем близко, и Ли Миньгуань, не мигая, смотрел на неё, пытаясь разглядеть на этом бледном, упрямом лице хоть каплю уступчивости.

Если бы перед ним был другой пациент, он бы надавил своим врачебным авторитетом, но не она — её готовность скорее сломаться, чем согнуться, заводила его в тупик.

— Генерал, смилуйтесь! Ваша принцесса — самая своенравная девица на всём белом свете. Из-за вас она рыдала у моих дверей так, что если с вами что случится, она же с меня живьём шкуру спустит! Вы ведь не хотите, чтобы Меч Чистого Ветра первым делом в Лянчжоу пустил в ход мой череп?

— Она? Ха... — в её потухших глазах промелькнул огонёк, и на бледном лице внезапно появилась слабая улыбка.

Ли Миньгуань воспрял духом: вот оно, нашёл подход!

В этом мире нет дерева, которое закрыло бы небо, всегда найдётся управа. Для Су Лисюэ маленькая принцесса была эффективнее любого лекарства — радость лечит от всех недугов.

Если бы не страх перед её пугающим Южным Пламенем Отрешения, Ли Миньгуань немедленно притащил бы принцессу сюда и заставил бы её ни на шаг не отходить от этой

холодной, отстранённой женщины.

— Ой! Сестрица Вань, закат! Так тепло, что аж в сон клонит!

Возле канцелярии градоначальника Наньгун Ли, едва успев потянуться, была перехвачена подоспевшим в спешке лекарем:

— Ваше Высочество, прежде чем вас разморит, вернитесь со мной и навестите одного человека. Если не пойдёте сейчас, она от беспокойства с ума сойдёт.

— Она проснулась? — тёмные глаза принцессы мгновенно загорелись. Она подобрала подол и закричала управляющему, стоявшему у ворот: — Дядюшка Чжан, готовьте карету! Скорее! Быстрее же!

Карета с грохотом затормозила у входа в лечебницу. Девушка, подобная распутившемуся бутону, выскочила из неё, и её летящее платье наполнилось ветром, согретым солнцем.

Су Лисюэ сидела в кресле в главном зале. Увидев её, она попыталась встать, чтобы встретить гостью, но из-за тяжёлых ран движение далось ей с трудом.

Тан Юнь поспешно подхватила её под руки:

— Ваше Высочество, вы наконец вернулись! Генерал просидела здесь целый час, как я её ни уговаривала отдохнуть, она ни в какую — всё ждала вас.

Наньгун Ли мягким рукавом легонько ударила её:

— Сумасшедшая, ты совсем с ума сошла?

Бледная женщина не ответила. Она притянула маленькую фигурку к себе, подняла её и принялась осматривать, крутя из стороны в сторону:

— Ты не ранена?

— Нет... Ой, да всё в порядке!

Маленькую девушку вертели, как куклу, и ей стало так неловко, что захотелось дать сдачи. В конце концов, она — Душа Алого Феникса, могучий зверь, которого все обходят стороной. Но та вечно обращалась с ней как с неразумным ребёнком.

— Ох!

Внезапно поднялся ветер, и та, кто её держала, вдруг выпустила руки, её затрясло, она согнулась и издала тихий стон.

— Генерал!

Принцесса в испуге подхватила её и прижала к себе, боясь лишний раз потревожить.

Лянчжоу лежал на краю пустыни, и стоило солнцу сесть, как температура падала стремительно, точно девушка, бросающаяся в реку Иньма от отчаяния.

От недавнего волнения холодный пот насквозь пропитал волосы и доспехи Су Лисюэ, превратившись в корку льда. Когда подул сквозняк, та, словно тонкий бумажный лист, содрогнулась от пронизывающего ветра, словно в сердце ей вонзили тысячи стрел.

— Ой! Ты такая холодная, ты что, только что из гроба выбралась?

Тело в её руках не излучало ни капли тепла, превратившись в ледышку. Наньгун Ли в ярости потащила её во внутренние покои, принялась укутывать одеялами, приложила ладонь к холодному бледному лицу и заворчала:

— Ну прямо камень... никак не согреешься.

Её ладонь была горячее, и это бесконечное тепло помогло дрожащему от холода сердцу вновь обрести покой. Су Лисюэ пришла в себя и, вспомнив что-то, попыталась отстраниться:

— Ваше Высочество, я... от меня исходит скверна...

Издавна воины считались недобрым предзнаменованием. Когда они только поженились, принцесса так боялась её, что не позволяла даже прикоснуться к себе. В её глазах, полных неприязни, читался тот же ужас и отвращение, с каким смотрят на отверженных. Казалось, она брезговала не только грязью на её руках, но и самой её душой, боясь оскверниться даже взглядом.

Позже, когда они сблизились, она однажды в шутку решила подразнить её и внезапно усадила на шкаф для стрел, но та так испугалась, что всё тело её окаменело.

Эта чистая, как горный хрусталь, девушка была настолько непорочна, что глубоко презирала близость с такой, как она — пропитанной кровью и злобой.

Но что она могла поделать? Десять лет скитаний, борьба с нечистью, развеянный прах — она стала воплощением скверны. За всю жизнь её грехи множились быстрее, чем деньги, и как ни мойся — не отмоешься.

Единственное, что она могла — это отправлять за ней тайную стражу, а самой держаться подальше, чтобы не вызывать её неприязни.

Руки Наньгун Ли опустели, и она вдруг почувствовала острую боль в сердце.

Этот человек ради своего упрямства, ради своей гордыни загнал себя в тупик. В этой жизни — ни выйти замуж, ни жениться, лишь бесконечный холод впереди. Даже после смерти её имени не найти в ярких летописях.

Ради чего? Ради того, чтобы заставить её пролить слезы?

Знала ли она, как сильно та горевала, когда пришло известие о её смерти? Десять лет, столько слёз — она ещё не успела потребовать возмещения, а та уже посмела сбежать?

Маленькая принцесса надула губы, приняла сердитый вид и, распахнув объятия, заключила её в кольцо прямо поверх одеял.

Женщина на кушетке замерла:

— Ваше Высочество, вы... вы изменились.

Наньгун Ли осторожно прижалась к ней, боясь задеть раны:

— Сумасшедшая, ты меня до смерти напугала.

— Ваше Высочество, вы... — Су Лисюэ попыталась легонько отстраниться, но сил не хватило.

Такие тонкие запястья — сломай их, и она снова будет плакать. Промучившись сутки, её прекрасные миндалевидные глаза покраснели, и теперь она была похожа на кролика больше, чем когда-либо. Нельзя было позволить ей снова плакать.

Сквозь толстые слои одежды Наньгун Ли жадно ловила слабый стук сердца — только так она могла убедиться, что держит живого человека:

— Пойдём, я заберу тебя домой.

Лекарь Ли тут же вмешался:

— Эй! Постойте! Нельзя! Нельзя возвращаться!

— Почему?! Мы и так были в разлуке целый день! — возмутилась принцесса.

— Ваше Высочество, ваш язык — это кара небесная. Если она от таких ран ещё и разнервничается из-за вас, что тогда?

— Ох... — девушка опустила голову, словно провинившийся ребёнок, прижалась подбородком к одеялу и, моргая большими глазами, посмотрела на эту гордую, измученную женщину. На сердце стало кисло. — Прости, это из-за меня у тебя яд в крови разыграл? Это я тебя до нервного срыва довела...

Стоило человека напугать, как он тут же начинал рассуждать здраво. В глубине этих осенних глаз крылось чувство, которое можно было описать лишь одним словом — одержимость.

Железное сердце воительницы слегка дрогнуло. Она закрыла глаза, глубоко вздохнула и покачала головой:

— Это я сама сбилась с дыхания во время тренировки, к вам это не имеет отношения.

Маленькая принцесса хмыкнула и слабо улыбнулась:

— Я знаю, ты просто слишком добра.

Поэтому и позволяла себя так мучить. Хотя, как она могла позволить себя мучить?

— Кстати! Держи.

Она вытащила пачку серебряных билетов и сунула ей в руку с самым невозмутимым видом.

Су Лисюэ в изумлении уставилась на них:

— Что это?

— Пять тысяч лян. Покупаю генерала на одну ночь — хватит?

Принцесса, озарённая внезапным вдохновением, несла полную чушь.

— Кхе! Кхе-кхе, кхе-кхе-кхе...

Женщина нахмурилась, сердце её дрогнуло, и она закашлялась так сильно, что не могла разогнуться.

Ли Миньгуань потерял дар речи:

— Ох, Ваше Высочество, вы хоть немного понимаете в людских нравах? Умоляю вас!

Эта девчонка не в себе?

Наньгун Ли вмиг перепугалась:

— Нет! Я... я не то... Я просто пошутила!

Кашель — дело такое: чем сильнее хочешь сдержаться, тем хуже выходит. Увидев, что принцесса снова в слезах, Су Лисюэ заволновалась ещё сильнее и закашлялась ещё пуще.

Не в силах видеть её мучения, она собралась было призвать пламя. Ли Миньгуань поспешно перехватил её руки:

— Всё хорошо, не трогайте её, подождите.

То, что принцесса — чудовище, было куда страшнее, чем перспектива провести вместе ночь.

После долгих мучений приступ наконец отступил. Ли Миньгуань, положив пальцы на запястье Су Лисюэ, с тяжёлым вздохом принялся поучать:

— Генерал, умоляю вас, берегите себя. Никакие дела не стоят того, чтобы так волноваться. Переживите хотя бы эту зиму спокойно, а там я что-нибудь придумаю!

Су Лисюэ подняла серебряные билеты и уставилась на Наньгун Ли:

— Говори, что происходит?

Принцесса, не смея больше болтать лишнего, призналась:

— Да я тут разорила дом маркиза Вэньчана, денег кучу нашла! Сестрица Вань сказала, что тебе срочно нужны деньги на починку моста, вот я и хотела сделать тебе сюрприз...

Бледная женщина, выслушав её, не знала, смеяться или плакать, но злиться на неё больше не могла:

— Ваше Высочество, простите меня, я слишком остро отреагировала.

— Я... я тебя не напугала? — робко спросила та.

Ли Миньгуань рассмеялся:

— Ваше Высочество сама по себе — сплошной сюрприз. Боюсь, генералу ещё не раз придётся испугаться.

Су Лисюэ почувствовала, что в этих словах есть подвох, и резко подняла взгляд:

— Ли Миньгуань, что ты имеешь в виду?

— Э-э... я хотел сказать, что не ожидал, что принцесса так решительно и быстро очистит чиновничий аппарат Лянчжоу и вернёт людям спокойную жизнь. Это настоящий сюрприз.

Ли Миньгуань не ожидал, что Су Лисюэ будет так проницательна, и под её тяжёлым взглядом вспотел. К счастью, он быстро сориентировался и сменил тему.

— Я тоже не ожидала, — Су Лисюэ опустила глаза и кивнула. — Сунь Хунван всегда выставлал себя человеком, которого оберегают духи гор и которого любят люди. Я думала, его смерть вызовет великую смуту. Ваше Высочество, вы действительно сюрприз, раз сумели завоевать доверие народа.

У этой девушки из императорской семьи была естественная, вызывающая доверие детская непосредственность — неуклюжая, суетливая, но такая утешительная. Она могла легко покорить любое сердце.

— Генерал, люди поддерживают не меня, а знают, что я — человек из дома генерала, — сказала Наньгун Ли. — Они знают, что генерал — та, кто по-настоящему защищает простых людей, и она достойна доверия больше, чем боги.

Женщина невольно улыбнулась:

— Ваше Высочество, когда вы хотите кого-то ублажить, ваш язык становится по-настоящему сладким.

Наньгун Ли положила руку ей на плечо и подмигнула:

— Не волнуйтесь, генерал, со мной вы не прогадаете — я очень люблю тратить деньги на тех, кто мне дорог!

Су Лисюэ посмотрела на неё, потом на билеты в своей руке:

— Ваше Высочество, почему у меня такое чувство, будто меня содержат?

— Если я буду тебя содержать, я построю для тебя дом из чистого золота! — хихикнула принцесса.

Су Лисюэ: ...

Почему эти слова кажутся такими знакомыми?

Она вспомнила, какой застенчивой была девчушка пятнадцать лет назад, впервые появившись в генеральском доме, словно испуганный котёнок. Пришлось потратить немало времени, чтобы она решилась выйти из своего укрытия и беззаботно играть.

Теперь всё действительно иначе.

— Ваше Высочество, хорошо, что вы принцесса, а то с вашей страстью предпочесть красавицу государству, вы были бы потенциальным правителем-тираном! — рассмеялся Ли Миньгуань.

— Ли Миньгуань, что ты несёшь?! — внезапно помрачнела женщина в чёрном.

— Виноват, генерал, простите за неосторожность. — Лекарь Ли поспешно поклонился, признавая вину.

— Я не на тебя сержусь, — смягчилась она. — Ты человек разумный, но положение принцессы высоко, а моё — слишком уязвимо. Подобные шутки и крамольные речи недопустимы.

После расформирования Южной армии Армия Динбэй постоянно находилась на острие ножа, а её положение было подобно заложенной бомбе, которая могла взорваться в любой момент.

Тем более, что рядом была она.

Видя, что та снова рассердилась, Наньгун Ли забеспокоилась:

— Тысячи золотых не стоят того, что дорого сердцу. Генерал, я никогда не посмею отнестись к вам с неуважением.

— Ха, попробуй только.

Принцесса: — Хи-хи-хи!

В комнате снова стало ясно.

<http://bllate.org/book/20009/1974220>